

© Н.А. РОГАЧЕВА, С.О. ДРАЧЕВА, А.А. МЕДВЕДЕВ

УДК 75.03(450):271.2+821.161.1.09

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ПОЭТИЧЕСКОЙ ОБРАЗНОСТИ
В СИБИРСКОМ ТЕКСТЕ РУССКОЙ ЛИРИКИ
XVIII – НАЧАЛЕ XX вв.***

АННОТАЦИЯ. На обширном историко-литературном материале рассматривается историческая динамика сибирского текста русской лирики; выявляются ключевые символы художественного пространства Сибири; устанавливается генезис и судьба поэтической топика; показан диалогический характер авторских поэтических моделей сибирского локуса.

SUMMARY. The vast historical and philological material allows to observe the historical dynamics of the Siberian text of Russian lyrics; the key-symbols of the fictional image of Siberian space are found out; the genesis and fate of the poetical topic are described; the dialogical character of the authors' poetic models of Siberian locus is shown.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Сибирский текст, лирика, символика, художественное пространство, топика, модель, сибирский локус.

KEY WORDS. Siberian text, lyrics, symbol, fictional space, topic, model, Siberian locus

Художественный образ Сибири в русской культуре достаточно хорошо исследован [1]. В поле зрения отечественного литературоведения находится поэтика сибирского пространства и факторы, оказавшие влияние на формирование этой поэтики [2], [3], [4]. Заметим, что преимущественное внимание в работах последних лет уделяется внелитературным влияниям: значению геософских идей [5], [6], [7], осознанию жизненного опыта писателя через категорию «опыта жизни-здесь» [8], установлению мифологического субстрата в системе авторской образности [9], [10], [11]. Внутрилитературные причины исторической динамики пространственного образа Сибири изучены в гораздо меньшей степени. Тем не менее их роль в системе художественной кодификации сибирского пространства значительна прежде всего потому, что позволяет по-иному подойти к вопросу о символическом наполнении пространственного образа. Сибирский локус не только воспроизводится языком искусства, но сам становится одним из тех пространственных языков, через которые выговаривает себя собственно лирическая проблематика, то есть языком для моделирования непространственного содержания поэтического произведения. В таком случае сибирский текст русской лирики выходит за рамки региональной тематики, получает универсальный художественно-экзистенциальный смысл.

Рассматривая значительный массив текстов, которые относятся к разным эпохам и литературным направлениям, мы сталкиваемся с проблемой выбора единицы исследования и единицы для сопоставительного анализа, позволяющего обнаружить дифференцирующие признаки поэтических локусов. Такими

* Исследование выполнено в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. (ГК № П730 от 12.08.2009 г.).

единицами служат образ, а также мотив как форма выраженного соотношения образов. Единицами сравнительного анализа стали **объем** (предметное наполнение) художественного пространства, создающий представление о подвижности парадигматической системы пространственной образности; соотношение **денотативных и коннотативных значений** образа или мотива — колебания между преимущественно прямым и тропеическим способами репрезентации восприятий; особенности **ассоциации** образов и мотивов.

Изменение объема, степени детализации художественного пространства является одним из наиболее показательных признаков его исторической динамики. Априорно предполагается, что историческое освоение Сибири влечет за собой большую конкретизацию сибирского поэтического локуса: наполнение его конкретными реалиями (в том числе названиями географических объектов, именами деятелей сибирской истории, подробностями сибирского ландшафта). Как показывает сплошная выборка, осуществленная на материале творчества пятнадцати поэтов XVIII в., на ранних этапах освоения сибирской темы край имеет довольно ограниченный набор характеристик. При этом собственно поэтическая семантика пространственных образов создается с помощью известных культурных символов, транслированных поэтами на новую область реальности. К ним относятся античные образы борея — северного ветра, древнерусское определение севера как «полуночи», летописный топос узкого пути (дыры в камне). Мотивировкой для подобного переноса служат аналогии между названным и неназванным мирами по признакам расположения, протяженности, ценностным характеристикам (богатый-бедный, добрый-злой, разумный-дикий). Таким образом сформировались перифразы, где античная топики, библейские и евангельские тексты, русские летописи и древнерусские сказания о сибирской стороне привносят негеографический смысл в географические реалии.

Цель художественного освоения — создание системы конвенциональных символов, способных представить новую область реальности. Тот факт, что число таких символов невелико, не отменяет сущности произошедшего: в поэзии риторической эпохи за Сибирью закрепляется вполне определенное место в системе культурной топики, пространственный образ «покрывается» сеткой гуманитарных смыслов. Он выступает: 1) как показатель величины русского пространства и, следовательно, величия российской государственности; 2) как символ героической устремленности русского человека к новым открытиям, место подвига и, следовательно, яркая метафора торжествующего разума; 3) как область чужого в границах своего мира.

В первом случае особое значение получает география. Признак «протяженности» наряду с «далью» относится к наиболее частотным характеристикам художественного образа Сибири, сохраняясь в панегирической оде вплоть до конца XVIII века: «От невских красных берегов / До Кети, Оби отдаленной»* (Н.М. Карамзин), «От Туры до острова Ильи» (П.А. Словцов). Ценностный смысл пространства определяют отмеченные поэтами рубежи. Так, в Письме «К князю Никите Юрьевичу Трубецкому» и автопримечаниях к тексту А. Кантемир создает представление о величии России, указывая на ее границы с Китаем:

В покое правишь крайние пределы
Пространна царства, что близи Китая.

* Все поэтические тексты приводятся по базе данных, составленной авторами статьи и размещенной на сайте «Сибирь в русской поэзии» (URL: <http://russlit.utmn.ru/sec/156>).

Упоминание о китайских границах сибирского локуса вполне в духе времени, и оно еще требует специального комментария: последовательное очерчивание сибирских и дальневосточных владений России — ее северных, восточных и южных пределов — началось относительно недавно, в конце XVII в. Граница с Китаем по реке Амур была размечена Николаем Спафарием в «Описании реки Амура». Вместе с внуком Спафария Н. Милеску Кантемир в 1711 г. приехал в Россию. Китай как источник экзотических удовольствий, прежде всего — чая (ср. «манжурский» напиток у Г.Р. Державина), стал существенно ближе к России именно с присоединением к ней Сибири.

Нанесенные на карту восточные и северные границы России также служат знаками величия Сибирского царства: в «Оде ... на взятие Хотина 1739 года» М.В. Ломоносова в состав «седми пространных морь», омывающих берега империи, включены Баренцево и Камчатское (Охотское) моря. О Великой Северной экспедиции, замысленной еще Петром I, но осуществленной после его смерти в 1734-1740-х гг., Ломоносов пишет в героической поэме «Петр Великий». В отличие от Кантемира Ломоносов акцентирует внимание на северных рубежах и тем самым изменяет смысловое наполнение пространственного образа: Сибирь предназначена не для «удовольствий», а для войны и славы, для научных открытий, равных тем, что совершили Магеллан или Колумб. Северные «льдыстые моря» и западная Балтика, восточная Лена и южный Кавказ создают образ великой России в «Оде на день высочайшего рождения ее императорского величества 1768 года» М.М. Хераскова. Для обозрения такого пространства требуется особая точка восприятия — за пределами земли, с небесных высот — и особый наблюдатель, находящийся выше людей. Земным аналогом гиперболического кругозора служит географическая карта и видение академического географа. Все вместе это создает образ просвещенного наблюдателя, к которому обращается поэт, и образ просвещенного поэта.

Преобладающая реальная мотивировка сибирской топики — характерный признак риторического стиля. Даже в тех случаях, когда авторы прибегают к поэтическим метафорам, тропеический образ подчиняется рациональной интерпретации: так, устойчивый символ крылатого или лютого борея закрепляет определение России в качестве северной державы, хотя сравнение русского монарха с северным солнцем встречается уже у Симеона Полоцкого в «Стихах на счастливое возвращение царя из-под Риги».

В оде «На день восшествия на престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1748 года» Ломоносов подчеркивает, что Елизавета наследует северные просторы России. Сибирские и дальневосточные реалии (Лена, Амур, Манчжурия, острова восточных морей) не только показывают мощь и богатство природы, но и рисуют картину простора для разума, выступают как место приложения сил для науки, искусства, государственных и религиозных учреждений, призыв воспитывать «собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов». Образ имеет отчетливо идеологическое содержание: верность царской власти Ломоносов распространяет на людей («многие народы») и природу Сибири: «В моей послушности крутятся // Там Лена, Обь и Енисей». От запада к востоку — к Амуру и Оби — простирается не только слава мудрого правителя, но и слава верного ему поэта (А.И. Клушин «Благодарность Екатерине Великой за всемиловитившее увольнение меня в чужие край с жалованьем»).

В поэзии XVIII в. топоним «Сибирь» приобретает не только положительные ценностные характеристики. Гедонистическая оценка Сибири возможна лишь в рамках колониальной тематики, достаточно широко представленной в поэзии XVIII века. Правда, она возникает на фоне уже сложившегося осуждения гедонизма и напоминания, что край, откуда приходят «серебро» и «золото», может оказаться местом ужасных бедствий. После отправления в Сибирь бывших соратников Петра, его фаворитов имя прочитывается как обозначение ссылки. В автокомментариях к сатирам А. Кантемир указывает, что перифраза «между соболями» означает именно «сибирскую ссылку» («В ссылке в Сибири, откуда соболи приходят»). Показателен в тексте прием остроты, построенной на замене предлогов: в соболином краю, символически обозначающем богатство, герой сатиры бедствует «меж соболями». С этого времени комментарии к теме сибирской ссылки больше не требуются: «дорога в Сибирь» является прозрачной аллегорией ссылки и каторги, например, в поэме И.С. Баркова «Поп Вавила» или в комедии Я.Б. Княжнина «Чудаки».

Другой коннотацией сибирского пространства, сформировавшейся в риторической системе, может быть названа его «непомерность». Представление о ней создается не только признаком «протяженности» (дали), но и оценочными описаниями сибирской природы, где подчеркивается величина рек, нагромождение льдов, гор, густота лесов, труднопроходимость пространства как такового. В басне И.Ф. Богдановича «Неумеренность» Сибирь служит аллегорией бездумного стремления к чрезвычайному, зависти к чужой судьбе. Русский «странствователь» мечется между непомерной жарой Китая и непомерным холодом Сибири. В этом тексте впервые в русской поэзии возникает летописный образ узкой дороги в Сибирь как дороги не для всех — только для избранных или несчастных. В духе идеи непомерности сибирской истории для «умеренного» (гармоничного) поэта выдержан и отказ писать о Ермаке в поэме А.Н. Радищева «Бова».

В поэзии риторической эпохи складывается устойчивая система ассоциаций Сибири с качественными определениями. Выделим ряд постоянных эпитетов, сопровождающих образ края. Среди них доминирует указание на холод: «край ужасный, хладный» (А.Н. Радищев), метонимией холода выступает «лед», в особенности через применение к определению морей, омывающих Сибирь. Как уже отмечалось, за Сибирью закрепилось представление о крае ссылки и каторги: среди определений встречаем эпитет «ссылочная» (В.В. Капнист. «Другу сердца»). Оценочный эпитет «угрюмый» объединяет общим качеством природу и состояние человека (А.Н. Радищев).

Существенное значение для формирования конвенциональных смыслов географического образа имеют устойчивые аналогии и антитезы. Как крайний предел природы Сибирь сопоставляется с Африкой, служит границей нормы у М.В. Ломоносова, И.Ф. Богдановича, В.В. Капниста:

И ссылочной Сибири холод,
И средь песков Ливийский зной,
Меж лютых кафров жажду, голод
Охотно б претерпел со мной.
(Капнист В. «Другу сердца»)

Итак, разумный XVIII век уже выразил мысль, что для лирического освоения Сибири нужен талант особого рода — поэт, склонный к чрезвычайному, готовый к героическому аскетизму и подвигу, наделенный «непомерным» вооб-

ражением. Этот литературный полемический посыл был адресован поэтам прошлого с их барочными гиперболическими образами (Ломоносов) и поэтам, чье время еще только подступало, — поэтам романтизма. Через систему пластических символов проявила себя внутренняя, субъективная и сугубо литературная (конвенциональная) сторона сибирской темы русской лирики. Данный факт так или иначе объясняет, почему вплоть до конца XIX века поэтический образ Сибири не выходит за рамки романтической эстетики.

Поворот в развитии лирической темы Сибири отмечен рядом текстов конца XVIII — XIX века. Преимущественно это объемные произведения лиро-эпического характера, где синтетическая форма способствует разворачиванию по-новому увиденного пространства Сибири. Назовем в первую очередь стихотворение И. Дмитриева «Ермак», представляющее собой синтетическое жанровое образование: современник Дмитриева П.А. Вяземский считал «Ермака» поэмой, Г.К. Макогоненко относит его к одам [12; 47], встречается определение «Ермака» как баллады [13]. Текст стихотворения построен как диалог, где контрастно соотносятся две точки зрения на начальную историю Сибири: одна из них выражена «сибирскими шаманами», другая — русским поэтом, в воображении которого разворачивается все действие стихотворения. Голос Шамана сливается с голосом самой природы, характеристика народов Сибири по существу входит в единый природный комплекс: в описании облика и одежды персонажей стихотворения усилено «звериное» начало (одежда из звериных шкур, украшения из перьев и птиц, даже оружие изображено как необработанный металл). Выбор словесной образности направлен на решение той же художественной задачи: самым частотным эпитетом в тексте служит определение «ужасный», характеризующее и природу Сибири, и ее народы. Оценивая Ермака, герои стихотворения и о нем говорят как о стихийной природной силе, смерть Ермака без могилы, без памятника усиливает этот мотив. Единственным — и самым важным — признаком, отличающим историю русского героя от сибирских богатырей, является слово поэта — рукотворный памятник, а не устное предание. Это рациональное решение дионисийской тематики — уступка эпохе Просвещения. Но характер образности соответствует задаче показать край в его бурном движении, выразить ужас европейца перед неукротимой стихией Сибири.

Те же мотивы непомерной мощи природы характеризуют сибирский пейзаж в думах К.Ф. Рылеева с их ярким героическим пафосом. Угрюмый и бурный сибирский пейзаж метафорически удваивает лирическую тему мятущейся, одинокой души, будь то Наталия Долгорукова, Ермак или Войнаровский. Вся художественная оптика дум направлена на установление соответствия между душевным состоянием героя и состоянием природы. Сибирь с ее непознанностью оказалась идеальной метафорой не только для мятежной фантазии и страсти, но и для других состояний и чувств лирического героя. Сибирь как узнаваемая метафора холода души фигурирует в «Послании русским женщинам» Н.М. Карамзина: «Несчастный Мизогин в Сибири ввек живет // Напрасно Феб над ним в величии сияет — // Душа его от хлада умирает». Тоска и уныние становятся качествами мрачного сибирского ландшафта в лирике ссыльных поэтов: «Угрюмый сын степей, хранительниц Китая, // Роптал стесняемый утесами Онон» (В.К. Кюхельбекер. «Три тени»).

Для романтической поэзии в целом характерно снижение пластичности лирического образа. Художественное измерение сибирского пейзажа мотивируется не географией, а эмоциями лирического субъекта, его душевным опытом:

Что скажу я при исходе года?
Слава богу, что и он прошел!
Был он для изгнанника тяжел,
Мрачный, как сибирская природа.
(В.К. Кюхельбекер. «При исходе 1841 года»)

Как следствие, меняется стилистика сибирского пейзажа, где доминируют не изобразительные, а психологические эпитеты, с помощью которых душевные состояния переносятся на внешние объекты: не только «мрачный», «угрюмый», но и «жаркий», «холодный» означают не свойства климата, а «душевные качества» Сибири:

Прими же, о Аргунь, мое благословенье!
Ты лучше для меня, чем пасмурный Онон:
И там мне было разлученье;
Но перед тем меня прельщал безумный сон,
И чуть не умервило пробужденье!
(В.К. Кюхельбекер. «Аргунь»)

В поэзии середины XIX в. романтический образ Сибири воспринимается как литературный штамп (см., например, в стихотворении И.С. Никитина «Сибирь! Напишешь это слово...»). Однако тенденция переносить устойчивые характеристики сибирского пейзажа на человека прочно входит в литературный обиход, о чем свидетельствует лирический сюжет, посвященный сибирскому поэту Е.Л. Милькееву [14-15]. Только в творчестве сибирских областников изменяется художественная парадигма образа Сибири — происходит его трансформация в пространство русской провинции, причем одной из самых захудалых, и в пространство колониального типа.

Когда в поэзии складывается устойчивый образ русского национального пейзажа, за сибирским пейзажем закрепляется альтернативная система национальной топики: каторжного пути (А.А. Фет. «Колодник»; А.К. Толстой. «Колодники»; В.В. Крестовский. «Владимирка»; Н.А. Некрасов. «Благодарение господу богу...», «Еще тройка» и др.), inferнального пространства России (Н.А. Некрасов. «Русские женщины»), библейского, то есть сакрального центра русского ландшафта (Е.Л. Милькеев. «Абалак»).

Серебряный век привнес в историю лирического освоения Сибири иную оптику, и уже потому радикально изменил художественный смысл сибирского пространства. На всей его структуре сказывается «новое зрение», о котором писал Ю.Н. Тынянов в связи с творчеством В. Хлебникова [16; 291]. Законы этого нового зрения проявляются по-разному у разных поэтов рубежа XIX–XX веков. Для новой поэзии характерно видение пространства изнутри самого пространства, в потоке его становления, неотделимого от становления субъекта, когда позиция субъекта восприятия не вынесена за границы изображения, а включена в него. О таком принципе видения пишет И. Коневской в стихотворении «К пластику»:

Я в зрелища вхожу неудержимо
И жду, куда мой путь меня умчит,
А ты стоишь и внемлешь недвижимо,
И дух твой прям, и голос твой молчит [17; 133].

Сибирь в поэзии не только И. Коневского, но и А. Блока, А. Белого, Вяч. Иванова и других поэтов модернизма становится фактом внутренней биографии и психофизиологии художника, точкой отсчета в оценке им своей судьбы, души, национального характера. Сибирь воплощает закон и зов крови, который слышит в себе субъект лирики. Отсюда парадоксальная «география» «дальней страны», страны духа: «Далеко и меж нас — страна чужая...», отождествление себя с гуннами, скифами, татарами — древними народами, которые знаменовали угрозу или конец западных цивилизаций:

В крови моей — великое боренье.
О, кто мне скажет, что в моей крови?
Там собрались былые поколения
И хором ропщут на меня: живи!

Богатые и вековые ткани
Моей груди, предсердия и жил,
Осажены толпою их алканий,
Попреков их за то, что я не жил [17; 130].

Сибирь как воплощение витальной силы, дионисийской энергии — образ предельно субъективный, глубоко психологический, призванный символизировать тайны бессознательного. Но именно через субъективность восприятия достигается метафизическая семантика сибирского пространства. Приведем полностью стихотворение И. Коневского «Обетование», чтобы показать художественный механизм синтеза исключительно субъективной интерпретации образа Сибири и ее обобщенно-исторического понимания.

Обетование

Из туманов и топей мшистых
Мы когда-нибудь да умчимся
За края морей золотистых,
Где давно уж в мечтах кружимся.

Наглядимся на тамарисы,
Разбежимся по странным взморьям,
А потом проникнем в край лысый,
К незапамятным плоскогорьям.

Что в тех странах свершится с нами,
На безвестных лугах Памира,
Заодно с волшебными снами,
В праотчизне людского мира?

Обретем ли родник гремучий,
Где впервые жизнь закипела,
Где, под шорох кедров дремучий,
Няня рода людского пела?

Нет, змея, вся в бронзе узорной,
Из-под трав суровых восстанет,
Потрясет головой непокорной
И на нас внимательно взглянет.

Мы прильнем к ее кольцам гибким
И за ней поплывем без страха,
Вниз по травам крупным и зыбким,
На волне воздушного взмаха.

Будет пышно гордиться небо
Глубиной и ширью лазури,
Но оно — не наша потреба:
Мы вручили мудрой лемури [17; 112].

Сюжет стихотворения составляет воображаемое путешествие в будущее, за границы жизни, один из опытов эзотерического прозрения посмертного бытия. Именно в данном отношении можно говорить о психологической субъективности всех пространственных образов — видений. И в то же время стихотворение носит обобщенно-философский характер. В стихотворении нашли отражение геософские идеи второго тома «Тайной доктрины» Елены Блаватской «Антропогенезис» (1897 г.). На связь стихотворения с идеями Блаватской указывает образ змея, который в системе эзотерических символов означал Материю и был противопоставлен небу. В соответствии с антропософскими построениями на территории современной Западной и Восточной Сибири располагались северные территории Лемурии — материка, где возникла Третья Коренная Раса. Тем самым центр человеческой истории переносится на север и восток — в Индию и Китай, а Сибирь оказывается северной окраиной древнего мира. История современного человечества представлена как возвращение к своим истокам.

Концепция истории как постоянного возвращения к истокам характерна для творчества Ивана Коневского в целом. Она была инспирирована эсхатологическими прозрениями Владимира Соловьева и связана с его теорией панмонголизма, впервые прозвучавшей в стихотворении 1894 г. «Панмонголизм». В работе «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» (1899-1900) Соловьев пишет о «последней войне», толчком к которой послужила идеология панмонголизма, а концом — битва христианства и антихриста. Путь к этой войне лежит через антихристианскую идею установления царства любви на земле. Для И. Коневского конец истории означает устранение вечного противостояния земли и неба, возвращение к земному андрогинному царству, географическим коррелятом которого выступают Индокитай, Памир и Сибирь.

Подобное включение субъективных, а иногда и эмпирических (например, в поэзии К. Бальмонта) образов Сибири, ее географии и истории в широкий литературно-философский контекст придает иное смысловое измерение сибирской топике. Язык пространственных образов выступает как материал языка истории, увиденной в перспективе мифологического времени. Сибирь не просто видится — она сама становится формой видения, способом восприятия, формулой чтения исторических и географических фактов. Устранение пространственной дистанции между Сибирью как объектом восприятия и поэтом — субъектом выдвигает на первый план дистанцию иного рода — временную. Сибирь становится символической вехой на пути становления личности, России и всего человечества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рогачева Н.А. Анализ традиций изучения сибирского локуса в отечественном литературоведении. Методологические проблемы изучения сибирского текста русской лирики // Вестник Тюменского государственного университета. 2010. № 5. С. 240-248.
2. Анисимов К.В. Между Tobольском и Санкт-Петербургом: из истории эстетического самоопределения ранней сибирской литературы П.А. Словцов vs. Г.И. Спасский // Вестник Томского государственного университета. Сер. Филология. Томск, 2008. № 3 (4). С. 64-72.
3. Курдина Н.Н. У истоков сибирского пейзажа в русском романтизме // Литература Сибири: История и современность. Новосибирск, 1984. С. 14-26.
4. Янушкевич А.С. Сибирский текст: взгляд извне и изнутри // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства. Иркутск, 2004. С. 227-235.
5. Абашев В.В. Геопоэтический взгляд на историю литературы Урала // Литература Урала: история и современность: Сб. статей. Екатеринбург, 2006. С. 17-30.
6. Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М., 2006.
7. Лавренова О.А. Географическое пространство в русской поэзии XVIII-нач. XX вв. (геокультурный аспект). М., 1998.
8. Данилина Г.И., Эртнер Е.Н. «Опыт земли»: Конфликтность экологического сознания в литературе Тюменского края // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 1. С. 109-115.
9. Тюпа В.И. Сибирский интертекст русской литературы // Тюпа В.И. Анализ художественного текста: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. М., 2008. С. 254-264.
10. Рыбальченко Т.Л. Мифологемы образа Сибири в русской прозе второй половины 20 века // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства. Иркутск, 2004. С. 291-303.
11. Рогачева Н.А. На краю ойкумены: Западная Сибирь в русской литературе // Филологический дискурс: Вестник филологического факультета Тюменского государственного университета. Тюмень, 2000. Вып. 1. С. 37-42.
12. Макогоненко Г.П. «Рядовой на Пинде воин» (Поэзия Ивана Дмитриева // Дмитриев И.И. Полное собрание стихотворений. Л., 1967. С. 5-68.
13. Александровская М.А. Становление жанра баллады в русской поэзии второй половины XVIII века: дисс. ... канд. филол. н. М., 2004.
14. Азадовский М.К. Неизвестный поэт-сибиряк (Е. Милькеев) // Азадовский М.К. Статьи и письма. Новосибирск, 1978. С. 15-41.
15. Горбенко Е.П. К биографии Е.Л. Милькеева // Русская литература. 1983. № 1. С. 197-208.
16. Тынянов Ю.Н. О Хлебникове // Тынянов Ю. Н. Проблемы стихотворного языка: Статьи. М., 1965. С. 290-293.
17. Коневской И. Стихотворения и поэмы. СПб., 2008.